

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОПУСТИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ С ЧУЖИХ СЛОВ КАК ВИДА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Наталья СМИТЮХ,

магистр юридического факультета

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

In this article the genesis, concept, features, content and value of the hearsay evidence as a type of evidence in criminal proceeding is described; the features of the concept and the admissibility of hearsay testimony are analyzed; the condition of fundamental human and civil rights while obtaining hearsay evidence in criminal proceedings is described. Analysis of the legal acts and the relevant scientific literature on the subject is made. Suggestions to improve the legal terminology and theoretical and practical positions on the research topic are given.

Key words: testimony, hearsay evidence, admissibility, criminal proceeding.

Аннотация

В статье исследованы генезис, понятие, признаки, суть и значение показаний с чужих слов как вида доказательств в уголовном производстве. Раскрыты особенности понятия и допустимости показаний с чужих слов. Охарактеризованы условия обеспечения основных прав человека и гражданина при получении показаний с чужих слов в уголовном производстве. Проведен анализ нормативно-правовых актов и соответствующей научной литературы по данному вопросу. Разработанные предложения по совершенствованию правовой терминологии и выделены собственные теоретико-практические позиции по теме исследования.

Ключевые слова: показания, показания с чужих слов, допустимость, криминальное производство.

Постановка проблемы. Действующий Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК Украины) [1] требует дальнейшего своего пересмотра в связи с теми современными евроинтеграционными и реформационными процессами, которые происходят в украинском обществе. Расширение видовой разнообразия показаний как вида доказательств в уголовном процессе только усилило необходимость тщательного изучения вопросов соблюдения прав и свобод человека в уголовном производстве. Наряду с этим возникает и потребность исследования новой для украинского уголовного процесса правовой конструкции – показания с чужих слов и обеспечения их практического использования в конкретном уголовном производстве при соблюдении требований принадлежности и допустимости.

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием фундаментального исследования показаний с чужих слов в уголовном производстве с учетом новых требований уголовного процессуального законодательства. Более того, именно при получении показаний с чужих слов наиболее вероятным есть нарушение прав и свобод человека, поэтому задание представителей науки сегодня – предостеречь с

помощью научных рекомендаций возникновение такого рода нарушений.

Вопросу понятия, значения и особенностей показаний с чужих слов как процессуального источника доказательств в уголовном процессе и проблемам соблюдения прав человека и гражданина при их получении уделяли внимание многие ученые-юристы. Теоретические основы нашего исследования охватывают труды таких ученых, как А.Р. Белкин, В.В. Гончаренко, Г.Ф. Горский, Е.Г. Коваленко, В.В. Король, А.П. Кучинская, М.М. Михеенко, В.Т. Нор, А.Е. Омельченко, Т.В. Омельченко, А.П. Острийчук, Н.А. Погорецкий, М.С. Строгович, А.К. Тугарова, И.Я. Фойницкий, В.П. Шибико, Н.Е. Шумило, А.Г. Яновская и другие. Не уменьшая научной ценности наследия этих ученых, отметим, что в условиях дальнейшей демократизации общества, евроинтеграционных процессов в Украине с учетом ратификации Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом [2] возникает необходимость выяснения смысла и значения понятия «показания с чужих слов» в современных условиях.

Целью и задачей статьи является исследование правовых проблем получения в уголовном процессе показаний с чужих слов с соблюдением прав и свобод человека и гражданина в усло-

виях реформирования уголовного процессуального законодательства. Новизна работы заключается в комплексном анализе национального и зарубежного правового понимания понятия, признаков, особенностей и применения показаний с чужих слов.

Изложение основного материала.

В ч. 1 ст. 97 УПК Украины унормировано, что показаниями с чужих слов является высказывание, совершенное в устной, письменной или иной форме, по определенному факту, которое основывается на объяснении другого лица. Такое определение, на наш взгляд, является несовершенным, поскольку к показаниям с чужих слов должны выставляться намного высшие нормативные требования, чем к другим видам доказательств ввиду сомнительности подтверждения источника их происхождения. В то же время в этом определении используется понятие «объяснение». Проанализировав действующий УПК Украины, мы можем констатировать, что такого вида доказательств, как «объяснение» в УПК Украины не предусмотрено. Существует другой вид доказательства – показания, которые должны приниматься во внимание, но отнюдь не «объяснения». Кроме того, В.И. Точиловский указывает, что такое определение не отвечает на вопрос о том, подпадают под данную категорию

такие, например, распространенные виды доказательств: а) показания в суде свидетеля о содержании документа, который он читал, но автором которого он не является (если такие показания допускаются, то возникнет вопрос принимать в качестве доказательств (по завершении допроса) только показания свидетеля о документе или показания вместе с документом); б) показания в суде эксперта-криминалиста по поводу документа, который он исследовал (например, на предмет возможной подделки), но автором которого (документа) он не является (то же о документе, по которому свидетельствовал эксперт – допускается ли он в качестве доказательства на основании показаний эксперта); в) предоставлены через свидетелей в суде коммерческие документы (платежные поручения, договора и тому подобное), авторы которых не вызываются в качестве свидетелей; г) предоставлены через свидетелей в суде письменные заключения экспертов, авторы которых не вызываются в суд в качестве свидетелей; д) документы, которые подаются стороной как доказательство (так называемые *evidence from the bar table*) [3].

Считаем, что буквальное толкование/перевод заимствованного из англосаксонской системы термина «*hearsay*» как «показания с чужих слов» искажает смысл этого термина. «*Hearsay*» – это не слухи и сплетни, а документы, которые допускаются в качестве доказательств чаще всего в форме письменных доказательств, представляемых стороной процесса при допросе свидетелей, которые не являются авторами информации, изложенной в данном документе. Кроме того, в ст. 97 УПК Украины указание на форму выражения (письменное или устное) предоставлено в отношении лица, дающего показания в суде, но не лица, на чье утверждение ссылается свидетель. В то же время формулировка не включает устные утверждения и документы, которые предлагаются (экспертом) в качестве доказательств не для подтверждения их правдивости (например, документы с отпечатками пальцев или следами подделки).

Т.В. Омельченко, анализируя изложенную нормативную позицию, указывает, что сомнения вызывает необходимость использования показаний

с чужих слов. Так, суд вправе признать невозможным допрос лица в таких случаях: 1) если лицо отсутствует во время судебного заседания в результате смерти или через тяжелую физическую или психическую болезнь; 2) отказывается давать показания в судебном заседании, не подчиняясь требованию суда давать показания; 3) не прибывает на вызов в суд, а его местонахождение не было установлено путем проведения необходимых мероприятий розыска; 4) находится за границей и отказывается давать показания. По мнению ученого, обстоятельства, предусмотренные пунктами 2 и 4, не свидетельствуют о невозможности допроса и способствуют использованию недостоверных доказательств [4, с. 255]. Похожего мнения придерживаются А.В. Молдаван и С.М. Мельник, которые указывают, что указанная новелла может приводить к случаям оговора лица в совершении преступления без возможности проверить обвинительные показания (например, первоисточника может давно не быть в живых) [5, с. 6]. Мы согласны с этой позицией и заметим, что в части определения понятия, правил принадлежности и допустимости этого доказательства в действующем уголовном процессуальном законодательстве имеются существенные пробелы и коллизии. Так, в связи с тем, что законодательная база устанавливает только общие условия применения этого доказательства и не определяет его детальное содержание, возникает необходимость предоставления судами разъяснения к нему. Однако правом на признание таких доказательств допустимыми наделен только суд. Но это не значит, что собирать такие показания не допускается в стадии досудебного расследования. Согласно п. 1 ст. 65 УПК Украины свидетелем является физическое лицо, которому известны или могут быть известны обстоятельства, подлежащие доказыванию в ходе уголовного производства и вызванное для дачи показаний. В соответствии со ст. 133 УПК Украины следователю и прокурору предоставляется право вызвать для допроса в качестве свидетелей таких лиц. Такие доказательства могут использоваться на стадии досудебного расследования для принятия соответствующих процессуальных решений.

В соответствии с ч. 1 ст. 86 УПК Украины доказательство признается допустимым, если оно получено в порядке, установленном УПК Украины. Часть 1 ст. 87 УПК Украины устанавливает, что недопустимы являются доказательства, полученные в результате существенного нарушения прав и свобод человека, гарантированных Конституцией и законами Украины, международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной Радой Украины, а также любые другие доказательства, установленные благодаря информации, полученной в результате существенного нарушения прав и свобод человека. В науке уголовного процесса допустимость доказательств рассматривают не только как одно из процессуальных свойств доказательства, но и как элемент криминальной процессуальной формы. Значение правовой регламентации института допустимости доказательств определяется тем, что она устанавливает процедуру познания фактических обстоятельств в соответствии с задачами уголовного судопроизводства, а также учитывая их относительную приоритетность. Именно поэтому институт допустимости доказательств отражает то или иное преимущество законодателя, который стоит перед выбором между установлением истины любой ценой и осознанной готовностью снизить вероятность ее достижения для уменьшения риска осуждения невиновного, а также сузить сферу ограничения конституционных прав граждан [6, с. 5].

Заметим, что самой большой проблемой в части допустимости показаний с чужих слов в качестве доказательств в уголовном производстве является принадлежность источника данных, которые образуют содержание этого доказательства. Отметим, что УПК Украины определяет 3 возможных пути признания судом показаний с чужих слов допустимыми: 1) независимо от возможности допросить лицо, предоставившее первичные объяснения, в исключительных случаях, если такие показания являются допустимым доказательством по другим правилам допустимости доказательств (ч. 1 ст. 97); 2) при наличии согласия двух сторон (ч. 4 ст. 97); 3) если подозреваемый, обвиняемый создал или способствовал созда-

нию обстоятельств, при которых лицо не может быть допрошено (ч. 5 ст. 97). Ю.М. Серета указывает, что ст. 97 УПК Украины «Показания с чужих слов» следует дополнить такой нормой: «Не могут быть доказательствами показания с чужих слов, источник которых неизвестен. Если показания основываются на сообщениях других лиц, то эти лица должны быть также допрошены».

Мы согласны с этой позицией, ведь достоверность источника доказательственной информации отражает сущность доказательств и их назначение в конкретном уголовном производстве, однако это общее требование допустимости ко всем источникам доказательств, в том числе и показаний с чужих слов, а потому мы не считаем целесообразным вносить в УПК Украины такие изменения.

В части использования в уголовном производстве показаний с чужих слов также существует практика Европейского суда по правам человека. Показательным в этом контексте является дело «X. против Федеративной республики Германия» [8]. Пункт 1 статьи Конвенции допускает, что с целью полного установления истины суд первой инстанции может опираться на косвенные доказательства («свидетельство с чужих слов»), при условии, что их использование в конкретных обстоятельствах не является несправедливым. В этом деле каких-либо признаков несправедливости в использовании косвенных доказательств, на которые опирались немецкие суды, нет. Комиссия отмечает, что обвинительный приговор заявителю вынесено с учетом не только тех доказательств, которые связаны с показаниями граждан А. и В. в полиции, но и показаний госпожи Г., которая на суде заявила, что получила героин от заявителя, и на показаний двух полицейских, граждан Г. и П., которые заявили на судебном заседании, что они нашли у заявителя следы хранения и потребления наркотических средств. Наконец комиссия отмечает, что, несмотря на разногласия между показаниями граждан А. и В. в полиции и их последующими показаниями в ходе судебного разбирательства (как в районном, так и в земельном судах), пришлось рассмотреть вопрос о достоверности их показаний. Комиссия считает, что суды тщательно их иссле-

довали, и их решение относительно достоверности показаний спорных вопросов в свете п. 1 ст. Конвенции также не ставит [9, с. 326].

Анализируя вышеизложенное решение, заметим, что вопрос о целесообразности использования показаний с чужих слов решается в условиях существования и других доказательств по делу. Исключительно на показаниях с чужих слов, по нашему мнению, суд не может строить свою позицию, поскольку есть угроза, что последние носят характер предположений. Кроме того, органы досудебного расследования, сторона защиты и потерпевший заинтересованы в получении доказательств из первоисточников, когда лицо лично воспринимало факты, имеющие значение для уголовного производства, из первичных источников информации. Такие доказательства относятся к числу более надежных, поскольку к минимуму сводится количество носителей фактических данных и их интерпретаторов. Такие свойства первичных доказательств уменьшают влияние субъективного фактора и придают им более убедительный характер [9, с. 226].

Заметим, что вопрос о допустимости показаний с чужих слов непосредственно связан с правом обвиняемого на перекрестный допрос свидетелей обвинения. Согласно практике Европейского суда по правам человека ст. 6.3 (d) Конвенции требует возможности перекрестного допроса свидетелей только в тех случаях, когда показания играют основную или решающую роль в обеспечении осуждения. Как правило, осуждение не должно основываться на показаниях свидетеля, которому обвиняемый не имел возможности задать вопрос в досудебной стадии, когда свидетель давал показания, либо на более поздней стадии процесса [10].

Мы считаем, что существуют следующие случаи, когда возникает необходимость получения показаний с чужих слов: 1) когда это доказательство предоставляет дополнительную, но не единственную возможность суда установить существенные обстоятельства для уголовного производства, а также когда без наличия такого доказательства невозможно полно, объективно и всесторонне установить все обстоятельства дела; 2) если есть сомнения в достоверности других доказательств и

нужно их подтверждение или основание для их опровержения (применяется для проверки других доказательств); 3) когда доказательство, на которое мог бы сослаться суд в обоснование своего решения, потеряно или его невозможно получить; 4) когда с помощью показаний с чужих слов возможно установить местонахождение и наличие других доказательств, имеющих значение для конкретного уголовного производства.

В Заклучении Главного научно-экспертного управления на проект Уголовного процессуального кодекса Украины отмечается, что существуют правила, которыми следует руководствоваться суду при решении вопроса о допустимости показаний с чужих слов в качестве доказательств, независимо от возможности допроса лица, предоставившего первичные объяснения. Они касаются значимости таких показаний для уголовного производства, характеристики лиц, которые предоставили первичные и производные объяснения, условий и способов их получения, согласованности с другими доказательствами, наличию заинтересованности у свидетелей, а также возможностью проверки показаний с чужих слов путем допроса лица, предоставившего первичные объяснения [11].

На рассмотрение Верховной Рады Украины также постоянно вносятся законопроекты, связанные с обеспечением защиты прав человека в уголовном производстве, в том числе вносился и законопроект об исключении положений о признании доказательствами показаний с чужих слов (регр. № 2112 от 28 января 2013 г. [12]). Считаем, что такой проект является обоснованным, ведь строится на утверждении именно гарантированности допустимости определенных доказательств в уголовном процессе, так как показания с чужих слов в любом случае не могут гарантировать достоверность определенных сведений, которые должен учесть суд при постановлении приговора в уголовном производстве. Заметим, что использование данного вида показаний в процессе доказывания главного факта является, с одной стороны, опасным, а с другой – необходимым, вынужденным. Опасность заключается в том, что лицо, которое их предоставляет, не может нести ответственность за их ложность [11].

Более того, такое лицо редко может доказать происхождение такой информации документально. А в этом случае при неустановлении первичного источника происхождения информации возникает вопрос о допустимости такого доказательства. Поскольку показания с чужих слов – это заимствованная правовая конструкция, которая нашла свое широкое применение в правовой системе США, соответственно, необходимо проанализировать понятие и значение показаний с чужих слов в этом государстве. Так, согласно уголовному процессуальному законодательству США к таким показаниям относится любая информация, которая не касается личных знаний свидетеля, а является полученной от третьих лиц. Такое заявление свидетеля обычно влечет за собой протест представителя другой стороны, и суд может запретить присяжным принимать это заявление во внимание. Однако из общего правила недопустимости показаний с чужих слов в качестве доказательств есть исключения: 1) заявление лица, которое находилось на грани смерти; 2) спонтанные высказывания; 3) заявления, сделанные свидетелем вне зала суда и письменно или иным образом зафиксированы (такие заявления могут быть представлены в качестве доказательств при условии, что свидетель в суде подтвердит их подлинность); 4) заявления третьих лиц, которые могут учесть их в совершении противоправного деяния; 5) документы, записи, свидетельства и тому подобное [13, с. 377].

Более того, в части письменной формы этого доказательства украинский законодатель не дает определения условий, необходимых для признания определенного письменного документа показанием с чужих слов. В отличие от украинского права, «Федеральные правила доказательств» США [14] дают достаточно широкий спектр уточнений таких объектов. По законодательству США показаниями с чужих слов могут быть признаны, согласно п. 5 Правил 803, записанные воспоминания в таких случаях: а) когда они касаются чего-то, что лицо знало прежде, но теперь не может вспомнить достаточно хорошо, чтобы давать точные и полные показания; б) когда они были сделаны вскоре после описываемого события; в) когда они точно отражают знания личности

[14]. Одним из процессуальных требований для признания таких показаний допустимыми в США является то, что другой стороне уголовного производства должно быть сообщено к судебному разбирательству о намерении их приобщения к материалам расследования и информацию о лице, которое предоставляет эти показания.

Практика показывает, что существуют ситуации, когда получить первоначальные доказательства просто невозможно (смерть лица, предоставившего первичные объяснения, ее психическая болезнь и тому подобное), и без обращения к производным доказательствам решить вопрос о виновности лица невозможно. В таком случае суд вынужден использовать такие доказательства, по возможности хотя бы частично подтвердить их другими доказательствами, собранными по делу. Иначе необоснованное искусственное ограничение допустимости доказательств может привести к неполному установлению обстоятельств дела, как следствие, вынесение необъективного и несправедливого решения по делу [15, с. 72]. Заметим, что в отличие от США, в государствах романо-германской правовой семьи несколько иное понимание понятия «показания с чужих слов». Так, доказательства допускаются во всех системах, где оценка представленных доказательств и решение вопроса о виновности/невиновности обвиняемого осуществляются профессиональными судьями (с участием или без участия «присяжных»). Допускаются они в Германии, Франции, других традиционных системах континентальной Европы. Поэтому французские и немецкие судьи могли бы не согласиться с категоричным утверждением о том, что показания с чужих слов не способствует установлению истины по делу [3, с. 102].

Выводы. Поскольку показания являются самым распространенным источником доказательств, то в соответствии к ним должны относиться повышенные требования в части принадлежности и допустимости такого вида доказательств в уголовном производстве. Создание надлежащего нормативного основания для регулирования понятия, видов и правил получения и использования, применение показаний с чужих слов в уголовном производ-

стве создаст условия для надлежащего уровня обеспечения прав и свобод человека и гражданина, как следствие – уменьшение количества обращений лиц в Европейский суд по правам человека.

Список использованной литературы:

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины : Закон от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины от 8 марта 2013 г. – 2013. – № 9–10. – Ст. 88.
2. Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским сообществом по атомной энергии и их государствами-членами с другой стороны : Международный документ от 27 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/kmu/docs/EA/00_UkraineEU_Association_Agreement_%28body%29.pdf.
3. Точилковский В.И. Определение показаний с чужих слов в новом УПК Украины / В.И. Точилковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://interjustice.blogspot.com/2012/12/hearsay.html>.
4. Омельченко Т.В. Источники доказательств по новому Уголовному процессуальному кодексу Украины / Т.В. Омельченко // Доказательства и доказывание по новому Уголовному процессуальному кодексу Украины (к 75-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М.М. Михеенко) : материалы междунар. научно-практической конф. (г. Киев, 6–7 декабря 2012 г.) / сост. : И. С. Гриценко и др. – Х. : Строков Д.В. [изд.], 2013. – С. 253–256.
5. Молдаван А.В. Уголовный процесс Украины : [учеб. пособие] / А.В. Молдаван, С.М. Мельник. – М. : Центр учебной литературы, 2013. – 368 с.
6. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис ; отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Юрист, 1995. – 128 с.
7. Серета Ю.М. Формирование доказательств в уголовном процессе Украины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» / Ю.М. Серета. – М., 2012. – 22 с.

8. X. против Федеративной Республики Германии (X v Federal Republic of Germany) : Решение ЕСПЧ 8414/78 от 4 июля 1979 г. – DR 17, 231.

9. Макбрайд Дж. Европейская конвенция по правам человека и уголовный процесс / Дж. Макбрайд. – М. : К.И.С., 2010. – 576 с.

10. Савицкий Д.А. Доказывания по делам о преступлениях частного обвинения : [монография] / Д.А. Савицкий, А.Н. Костовского. – Л. : Галицкий издательский союз, 2012. – 199 с.

11. Вывод Главного научно-экспертного управления на проект Уголовного процессуального кодекса Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?pf3511=42312.

12. О внесении изменений и дополнений в Уголовный процессуальный кодекс Украины : проект Закона Украины регистр. № 2112 от 28 января 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.rada.gov.ua.

13. Carmen Rolando V. del. Criminal Procedure: Law and Practice. – 2nd ed. / Rolando V. del Carmen. – Pacific Grove \$ California : Brooks ; Cole publ., 1991. – 483 p.

14. Федеральные правила в доказательствах соединенных Штатов Америки, принятые 2 января 1975 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sergei-nasonov.narod.ru/links3.html>.

15. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США / И.В. Решетникова. – Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1997. – 240 с.

«ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ» VS «ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРОРА»: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАНИНА ИЛИ ГОСУДАРСТВА В СУДЕ

Марина СТЕФАНЧУК,

кандидат юридических наук,

профессор кафедры административно-правовых дисциплин
Национальной академии прокуратуры Украины

Summary

The article discusses the relationship between the theoretical categories of “Legal Status of Prosecutor’s Office” and “Legal Status of Prosecutors”. Designated etymological, philosophical, social and legal principles category “legal status” established its elements and structure. Done definition of the legal status of prosecutor’s office and established the peculiarities of the legal status of the implementation of the function of representing the interests of the citizen or the state in court. Consider special legal status (legal modus) of prosecutor implement the function as the subject of representation. The common legal and procedural legal components of the legal status of the prosecutor are analyzed.

Key words: legal status, prosecutor, prosecutor’s office, function of representing the interests of the citizen or the state in court.

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы соотношения теоретических категорий «правовой статус прокуратуры» и «правовой статус прокурора». Определены этимологические, философские, социальные и правовые основы категории «правовой статус», установленные ее элементы и структура. Осуществлено определение понятия правового статуса прокуратуры, а также установлены особенности осуществления этого правового статуса при реализации функции представительства интересов гражданина или государства в суде. Рассмотрен специальный правовой статус (правовой модус) прокурора как субъекта реализации функции представительства. Проанализирована общая правовая и процессуальная правовая составляющая правового статуса прокурора.

Ключевые слова: правовой статус, прокурор; прокуратура, функция представительства интересов гражданина или государства в суде.

Постановка проблемы. Реализация прокуратурой функции представительства интересов гражданина или государства в суде возможна только в пределах определенных правоотношений, одним из важнейших элементов которых является наличие конкретного и компетентного субъекта. При этом следует понимать, что для того, чтобы конкретный субъект (de facto) стал «субъектом права» и приобрел признаки так называемого «существа юридического», он должен быть наделенным рядом юридически-правовых свойств, формирующих в совокупности термин-понятие «правовой статус».

Различные аспекты правового статуса государственных органов, в том числе и прокуратуры, исследу-

ются в трудах многих выдающихся ученых, в частности А.М. Бандурки, Е.Н. Блаживского, Л.Р. Грицаенко, Ю.М. Грошевого, Л.М. Давыденко, В.В. Долежана, П.М. Каркача, М.В. Косюты, М.И. Курочки, И.Е. Марочкина, А.Р. Михайленко, Н.И. Мичка, Е.М. Поповича, Н.О. Рыбалки, Н.В. Руденка, В.В. Сухоноса, В.Я. Тация, Ю.М. Тодьки, Ю.С. Шемшученко, П.В. Шумского, Н.К. Якимчука и других.

Отдельно следует отметить, что, учитывая комплексность этого вопроса, значительный вклад в разработку теоретических и практических положений непосредственно по вопросам особенностей процессуального статуса прокурора как субъекта реализации функции представительства интересов гражданина или государства в судах